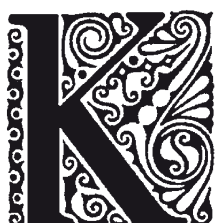

В. А. Филимонов

Универсальный дискурс Н. И. Кареева как опыт репрезентации античной истории

концу XIX—началу XX столетия в России сформировалась отечественная наука об античности, которая, преодолев одностороннее влияние классической филологии и перенимая методы, сложившиеся в других разделах всеобщей истории, встала на твердую научную почву. Заложенная М. С. Куторгой, она была представлена трудами ученых эпиграфической школы (Ф. Ф. Соколов), социально-политического (В. П. Бузескул), экономического (М. И. Ростовцев, И. М. Гревс), культурно-исторического (Ф. Ф. Зелинский) направлений. На подобном фоне несколько неожиданным выглядело обращение к антиковедческой проблематике Николая Ивановича Кареева (1850–1931), более известного трудами по социологии и истории Французской революции. Вклад ученого в отечественное антиковедение остался вне поля зрения исследователей [Из современных работ см.: 1, с. 177; 2, с. 391; 3, с. 27; 4, с. 94–104; 5, 105–112], а все существующие оценки его греко-римского дискурса сводятся к словам В. П. Бузескула, сказанным более века назад: «Н. И. Кареев — специалист по новой истории, а не по древней; но это имеет и свою хорошую сторону: он мог взглянуть на историю древности с свежей, с иной и более широкой точки зрения; он мог пользоваться сравнительным методом, приводить много аналогий и делать сравнения» [6, с. 541–542].

К античным сюжетам Кареев неоднократно обращался на протяжении всей своей многогранной научной деятельности [см.: 7, 8, 9 и др.]. Сам историк объяснял свой интерес к этому периоду истории происходившим, по его мнению, поворотом в антиковедении, в связи с открытием новых источников и выработкой новых методов исторического исследования. Но дело состояло не только в этом. Кареев был «всеобщим историком» и смысл такой специализации он видел в исследовании всемирной истории как процесса постепенного объединения человечества, роста солидарности, расширения и углубления связей между странами и народами. Провести такую работу было невозможно без исследования античной истории. Вполне законченный вид его концепция истории греко-римского мира обрела в книге «Государство-город античного мира» [см.: 10].

Осенью 1902 г. Кареев был приглашен читать лекции по всеобщей истории на экономическом отделении вновь открытого Политехнического института. Обдумывая новый курс он «понял, что студентам-экономистам нужно не то, что студентам-историкам, и задумал читать особые, ...типологические курсы, в которых были бы с сравнительной и обобщающей точки зрения рассмотрены и государство-город античного мира, и древний деспотизм, и средневековый феодализм, и западноевропейские монархии трех категорий: сословная, абсолютная и конституционная» [11, с. 223]. Кроме того, будучи либералом, Кареев исследовал явления иных цивилизаций в целях

е
и
д
е
п
с
а
н
е
н
о
н
н
у
а
н

обоснования преимуществ демократического строя перед самодержавием. О времени начала работы над курсом мы можем судить из письма Кареева к И. М. Гревсу от 16 июня 1902 г.: «...в начале июля будем уже в деревне... Там и обдумаем свой политехнический курс, хотя до сих пор твердой уверенности, что он состоится, у меня нет...» [12, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 34, л. 2]. Дата завершения указана Кареевым в предисловии — 2 марта 1903 г. [10, с. X]. Время выхода книги в свет определяется из письма Кареева к В.П. Бузескулу от 19 марта 1903 г.: «В апреле Вы получите и мой политехнический курс «Государство-город», который почти весь набран» [12, ф. 825, оп. 1, ед. хр. 91, л. 18].

Вводя читателя в курс дела, сам историк пояснял, что считал своей задачей «проследить общественное развитие в его экономической, социальной и политической сторонах, как оно совершалось в государствах-городах» [13, с. 87].

Для уяснения концепции античного полиса Н. И. Кареева обратимся к структуре работы, выявив прежде ее источниковую базу: наиболее цитируемыми являются «Политика» и «Афинская полития» Аристотеля а также Платон («Государство» и «Законы»), Полибий и Плутарх. Кроме того, в тексте немало ссылок на Гомера, Гесиода, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Тацита, Цицерона и др. Учитывая характер курса, предназначенного для заведения, «где история является предметом общего образования, а не ученой специализации», а также то, что в аудитории, «было немало молодых людей, не учившихся в классической гимназии», Кареев сознательно старался использовать русские переводы источников: «...Я думаю, — писал он, — что мне не будет поставлено в вину то, что иной строгий судья сочтет недостаточно “классичным”, хотя бы, примерно сказать, цитирование по русским переводам» [10, с. IX].

Среди пособий и научных трудов, использованных Н. И. Кареевым при подготовке курса, были лучшие работы ведущих зарубежных и отечественных антиковедов. В их числе: Н. Д. Фюстель де Куланж; Э. Мейер; К. Ю. Белох, Э. Фриман; Т. Моммзен; Э. Курциус; М. С. Куторга, В. Г. Васильевский, М. И. Ростовцев и др.

Принцип построения курса Кареева проблемно-хронологический, его содержание «лежит в областях политики и экономики, и даже область права затрагивается в нем лишь мимоходом, как мимоходом же затрагиваются и области религии и философии только по их связи, когда дело ее касается, с общественным и государственным строем» [10, с. VI]. Соответственно весь материал строго разделен по проблемам: политическим (главы I, II, IV, VIII—X, XV—XIX), социальным (главы III, VII, XI, XIII), экономическим (главы VI, XII, XIII), правовым (глава V), идеологическим (глава XIV), причем каждая из проблем рассматривается в ее историческом развитии.

В предисловии, помимо пояснения связи исторической науки с социологией, излагается суть типологического метода [Подробнее см.: 14, с. 221–232; ср.: 15, с. 67–73], а также ставится задача: «проследить внутреннюю эволюцию античного государства-города», оставив в стороне «всю так называемую внешнюю историю» [10, с. V]. Полагая свой курс подводящим «итоги под общими выводами современной науки», Кареев, «не будучи сам специалистом собственно в области древней истории», пояснял, что «стремление придать курсу социологический оттенок находит свое объяснение и оправдание не только в желании избежать рутинного и шаблонного изложения, но и в том, что это именно та точка зрения, на которую имеет наибольшее право стать так называемый “всеобщий историк”, когда ему приходится касаться предметов не его специальных занятий» [10, с. VIII–IX].

Центральное место в курсе занимает рассмотрение проблем генезиса и эволюции политических форм в античную эпоху. Вводя дефиницию «государство-город» (глава I) Кареев исходит из того, что у древних греков «эти два понятия сливались воедино, и слово полис (πόλις) обозначало одинаково и город, и государство», аналогично тому, как у римлян *civitas* «в одних случаях может переводиться словом город, в других переводится словом государство» [10, с. 1–2].

По мнению Кареева, хотя древними и не выработано понятие государства, подобно тому, которое известно было философам и юристам нового времени, уже Аристотель понимал государство как высшую форму человеческого общежития по сравнению с семьей и родовым поселением, а также то, что необходимую принадлежность государства составляет власть. Исключительное, признанное отдельными членами общественного союза, право принуждения, по мнению Кареева, главная отличительная черта государства, «таким целым (государством. — В. Ф.)... может быть и громадная держава, и маленький кантон, в античном же мире таким именно целым и было государство-город, то, что греки называли *полис* (выделено Н. К. — В. Ф.)» [10, с. 7].

Вводя понятие «государство-город», Н. И. Кареев выявляет его составные части и исследует процесс генезиса античного полиса (глава II). Элементами структуры государства-города он считает долгое время сохранявшиеся пережитки родового быта, то есть филы-фратрии-роды в Афинах и трибы-курии-роды в Риме. Род, по мнению историка, «был исходным пунктом дальнейших образований, которые называются племенами и государствами» [10, с. 12]. **Говоря о факторах, способствовавших слиянию родов в более крупные протогосударственные структуры, Кареев выделяет войну, указывая на Спарту, обязанную «своим происхождением дорийской военной дружине, занявшей с оружием в руках долину Эвроты» [10, с. 12] и покорившей сопредельные племена. Другой способ образования государства — мирный, путем «добровольного слияния в одну большую общину нескольких общин меньших размеров» [10, с. 12], известный под названием «синойкизм». Так, считает историк, возникли Афины, само название которых, «имеющее форму множественного числа (Αθήναι), указывает... на образование города из нескольких селений» [10, с. 23] и Рим.**

Рассматривая организацию государственной власти в начальный период истории классических народов (глава IV), Кареев выделяет в ней три элемента: монархический (глава государства), аристократический (совет старейшин) и демократический (народное собрание), прослеживая эволюцию каждого из них. Функции царской власти в героическую эпоху Греции (гомеровское время) и Рима (царский период) он сводит к военной, судебной и жреческой. Совету старейшин, который в целом выполнял совещательную функцию, тем не менее, предписывалось санкционировать то или иное решение правителя. Народное собрание, руководимое царем и старейшинами, могло только одобрять «криками делавшиеся ему предложения» или быть «немым свидетелем царского суда» [10, с. 39].

Из этих элементов первый постепенно исчезает из организации государственной власти, при этом Кареев отмечает эволюционный характер перехода от монархической к аристократической форме правления, «то есть, писал он, в явлениях этого рода... мы имеем дело не с политическими переворотами, приводившими к формальной отмене царской власти, а с постепенными изменениями государственного строя, усиливавшими в нем аристократическое начало» [10, с. 41]. Примерами такой эволюции монархии могут служить расчленение царской власти в Афинах и в Риме и раздвоение царской власти в Спарте.

Понимая невозможность выведения общей формулы, под которую могут быть подведены внутренние перемены в политической жизни античных полисов, Кареев, исходя из идеи о законосообразности исторического процесса, предлагает искать аналогии в движении от первоначальной монархии к более поздней демократии, подобно тому, как это пытались сделать Аристотель, Полибий, а в новое время Вико. Абстрагируясь от частных случаев, автор «Государства-города» утверждает, что «благодаря экономическому развитию, знатность уступает понемногу место богатству, и аристократия, в смысле господства знатных переходит в тимократию, распределяющую политические права сообразно имущественному цензу» [10, с. 94]. Таким образом, тимократический принцип, описанный историком в главе VIII, является компромиссом при переходе от аристократии к демократии. Тимократия имела место

в Афинах при Солоне, этот же принцип утвердился в Риме при постепенном переходе политического значения от куриатных к центуриатным комициям, что дало Карееву право говорить об общности направления политической эволюции в Афинах и Риме при всей ее неодинаковости.

В главе X анализируется общий характер античной демократии. Прежде всего для Кареева важно отделить современное ему понятие «гражданин» от того, что под этим подразумевалось греками и римлянами. Учитывая, что население полиса не было однородным, историк определяет гражданство, как совокупность «прав свободного члена государственной общины» [10, с. 124]. Принимая для античного мира такую дефиницию гражданства, Кареев выделяет две главных черты античной демократии: господство демоса, который не был всем народонаселением государственной территории, и участие демоса в государственной власти в форме непосредственного народовластия, причем, несмотря на равные права, дарованные всем гражданам полиса, «фактически в них принимали участие преимущественно горожане» [10, с. 131]. Анализируя особенности функционирования демократических учреждений в Афинах, Спарте и Риме, автор «Государства-города» считает их обладающими чертами сходства, так как «непосредственные народные собрания пользовались законодательной властью, существеннейшим атрибутом государственного верховенства, избирали представителей исполнительной власти и даже имели в известных отношениях власть судебную, вследствие чего народ граждан является в них настоящим коллективным государем» [10, с. 146].

После обсуждения общих вопросов античной демократии Кареев останавливается на проблеме кризиса полиса (главы XV—XIX). Важнейшим политическим показателем подрыва основ полисной структуры историк называет интеграцию античного мира, «которая постепенно подкапывала... изолированность городских республик Эллады и Италии» [10, с. 235]. При этом он дает обзор различных форм объединения, имевших место у греков и римлян, называя симполитию, симмахию, гегемонию и державу. Проводя аналогию между превращением государства-города в «город-государя» в Афинах и Риме, Кареев отмечал общий для них подрыв собственных основ демократии, которые теперь «заклучались не в труде, а в эксплуатации чужого труда союзников и подданных» [10, с. 295]. Однако при этом утверждается новая форма городского быта — муниципий, сочетавшая в себе самоуправление с подчинением единой власти территориального государства.

Подводя итоги исследования, Кареев выделил общие типические черты, присущие античному полису: незначительность территории, преобладание в нем городского центра над окружающими его и к нему тяготеющими селами, тесная связь самого города с областью-округом, развитие ремесла и торговли, ранняя организация государственной власти на республиканских началах, сравнительная быстрота социальной эволюции и обостренность классовых интересов и, в случае удачливости, стремление к расширению своего политического бытия путем установления гегемонии над другими общинами [10, с. 320]. **При этом он подчеркнул, что хотя эти черты не все вместе встречаются и не одинаково сильно выражены в отдельных случаях, они все же до известной степени связаны между собой и обусловлены одни другими.**

Книга Кареева вызвала известный резонанс, хотя и не столь живой, как, например, полемика по поводу его докторской диссертации «Основные вопросы философии истории». В кратком отзыве П. Н. Ардашева отмечалось, что книга Кареева «ставит себе задачей — изобразить в ее наиболее общих чертах ту форму государственности, которая является наиболее типической для античного мира. А такой формой является именно государство-город (πόλις)» [16, с. 22].

В рецензии А. К. Дживелегова отмечено, что «дать полную картину государства-города в греко-римском мире значит до известной степени выяснить внутреннюю эволюцию государств... Чтобы лучше сосредоточиться на своей задаче, автор принужден

отбросить всю внешнюю историю, и такая экономия места дает ему возможность привлечь к делу материал, который обыкновенно мало утилизируется в таких научно-популярных работах. Благодаря этому мы имеем свежий по материалу и оригинальный по замыслу курс, изображающий социально-политическую, а отчасти и культурную эволюцию древнего мира» [17, с. 99].

А. Шенский отметил, что «трактуя о внутренней эволюции античного государства-города, проф. Кареев не касается фактической стороны исторической жизни античного мира», что, по мнению рецензента «мешает ясности изложенных положений, а потому книга не может иметь широкий круг читателей. Помимо фактической стороны истории игнорируется также и вся духовная культура классической древности, и содержание книги сосредотачивается главным образом на области политики и экономики». При этом автор отзывается отмечает, что «с замечательной точностью проф. Кареев разбирает античный полис и показывает, как это историческое явление, отделенное от нас длинной вереницей веков, является прототипом позднейших вольных городов» [18].

С. Ф. Фортунатов обратил внимание на то, что «автор совершенно справедливо восстает против резкого противопоставления в этом отношении античных государств государствам нового времени и против преувеличенного представления о стеснении индивидуальной свободы в античных республиках» [19].

Что отличает курс Кареева от уже существовавших в отечественной и зарубежной исторической литературе обобщающих трудов по античной истории? [См, напр.: 20, 21, 22]. Характерной его (курса) чертой явилось целостное воспроизведение всемирно-исторического процесса. В свое время, рассуждая о постановке курса всеобщей истории в университете, он говорил, что «классик, думающий, что ему, как классики, можно и не знать того, что делалось в передовой части человечества, положим, после 476 года по Р.Х. не подозревает целой стороны, открываемой у этого мира с точки зрения всеобщей истории, того влияния, которое мир этот продолжал оказывать и после падения своей цивилизации на историю европейских народов, не говоря уже о том, что непосредственно было унаследовано новыми народами от древних: вспомним хотя бы такие крупные культурные факты из истории Запада, каковы рецепция римского права, классическая сторона Ренессанса, ложный классицизм в литературе, увлечение античными политическими идеями в XVIII в.» [23, с. 13–14].

Не секрет, что большинство и тогдашних, и нынешних антиковедов — узкие специалисты по проблемам избранного ими сегмента исторического знания, при этом связь с соседними во времени и в пространстве объектами обнаруживается очень слабо. По мнению Кареева, распространенный взгляд, что «классический мир представляет собой нечто совершенно особенное в истории человечества, ...нас обязывающее выделять его из остальной истории и ставить особняком, так сказать, “вне конкурса”» [24, с. 176], «давным-давно пора оставить как предрассудок, потому что история отдельных народов не совершается по какой-либо норме с большими или меньшими от неё отклонениями, а обусловлена всею совокупностью жизненной обстановки народа, и при данных условиях история каждого народа протекает также нормально, законосообразно, как и других народов. Ход греческой истории отнюдь не нормальнее в этом смысле истории русской...» [25, с. 113].

На концепцию античной истории Кареева не могла не повлиять и его позиция в развернувшейся в русской интеллектуальной среде на рубеже веков дискуссии о месте античности в школьном курсе истории [подробнее об этом см.: 26, с. 135–154; о позиции Н. И. Кареева в этой дискуссии см.: 27, с. 448–458; полемику автора настоящей статьи с И. Е. Суриковым и В. В. Дементьевой см.: 28, с. 352–353; 29, с. 354–355; 30, с. 355–370]. Известно, что историк (и не только он один) неоднократно выражал недовольство засильем в гимназиях древних языков и истории, в далеком от запросов реальной жизни виде, связывая такое положение дел не только с по-

следствиями толстовской гимназической реформы 1871 г., но и с тем, что в отличие от других разделов всеобщей истории в антиковедении укоренилось под немецким влиянием монопольное положение классической филологии. При этом «античная история оказывалась всего лишь вспомогательной дисциплиной, “учением о древностях”, призванным служить познанию и уразумению текстов древних авторов» [2, с. 342–343], что препятствовало самостоятельному развитию науки о греко-римском мире. «Классическая филология, — писал Кареев, — как наука именно и прославилась своею безжизненностью, своею мертвенностью... Между тем, античный мир и по внутреннему своему содержанию, и по причине своего влияния на новую Европу заслуживает более живого отношения к себе со стороны науки, и большего интереса со стороны образованного общества. К счастью, за последние два десятилетия в изучении классического мира происходит в высшей степени важный и плодотворный переворот. Сущность перемены, которую мы имеем в виду, можно определить как *освобождение исторического изучения античного мира от одностороннего подчинения классической филологии и перенесение в эту область остававшихся ей прежде чуждыми научных точек зрения и приемов исследования, выработанных в других отделах исторической науки*» (выделено Н. К. — В. Ф.) [31, с. 4].

Стремясь уйти от филологической рутины, Кареев в «Государстве-городе...» в большей степени предстает как философ истории и социолог. Историк, по его мнению, призван не только описывать, но и объяснять (оценивать) эмпирический материал, поэтому даже своим конкретно-историческим курсам он старался придавать обобщающий (дискурсивный) характер, на что обратил внимание один из его ранних рецензентов, известный русский антиковед В. И. Модестов: «Особенность, отличающая г. Кареева от других наших историков, — писал он, — заключается в философском направлении его исторических занятий... Для этого требуется не только положительное и уверенное в себе знание, но и философский склад головы, которым обладают у нас далеко не все современные историки» [32].

Таким образом, следует признать, что «Государство-город античного мира» — важная веха творческого пути Кареева, становления его концепции всемирной истории. Его исторические взгляды в целом вписываются в сложную и противоречивую внутреннюю логику развития отечественной исторической науки конца XIX—начала XX в. При этом, будучи философом-историком, Кареев считал для себя возможным занятия историей Греции и Рима, прежде всего в связи с настоятельной потребностью и возможностью широкого всемирно-исторического синтеза. Мобилизуя талант концептуалиста, он обобщает, синтезирует, устраняет односторонности суждений, сводит высказанное до него в стройную, логически не противоречивую, целостную доктрину.

Ключевые слова: античность, история древнего мира, Кареев, древняя Греция, древний Рим, всеобщая история, дискурс, типологический метод, всемирно-исторический синтез, государство-город.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Историография* античной истории/Под ред. В. И. Кузищина. — М., 1980.
2. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: историографические очерки. — СПб., 1999.
3. Карюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. — М., 2003.
4. Кучеренко Л. П. Оценка Н. И. Кареевым политического устройства раннереспубликанского Рима в свете современных отечественных исследований//Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. — Сыктывкар, 2002.
5. Павлов А. А. Н. И. Кареев о месте и значении плебейского трибунала в римской политической системе: диалог истории и социологии, теории права и романистики

- //Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. — Сыктывкар, 2002.
6. Бузескул В. П. Введение в историю древней Греции. — Изд. 3-е. — Пг., 1915.
 7. Кареев Н. И. Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка. — М., 1869.
 8. Кареев Н. И. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим). — Варшава. 1882.
 9. Кареев Н. И. Учебная книга древней истории. — СПб., 1901.
 10. Кареев Н. И. Государство-город античного мира. — СПб., 1903.
 11. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. — Л., 1990.
 12. СПб. филиал Архива РАН.
 13. Кареев Н. И. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории//Известия Санкт-Петербургского политехнического института. — СПб., 1905. — Т. III. — Вып. 1–2.
 14. Парфенов О. Г., Филимонов В. А. Типологический метод Н. И. Кареева в свете современных исследований по теории истории//Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М., 2001. — Вып. 4.
 15. Синютин М. В. Типологический метод Н. И. Кареева//Вестник Санкт-Петербургского университета. — 1997. — Сер. 6. — Вып. 4.
 16. Ардашев П. Н. [Рец. на кн.:] Кареев Н. И. Государство-город античного мира. СПб., 1903//Русское богатство. — 1903. — № VI.
 17. Дживелегов А. К. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Государство-город античного мира. Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. С картами//Мир Божий. — 1904. — № 6.
 18. Шенский А. [Рец. на кн.:] Кареев Н. И. Государство-город античного мира//Новое обозрение. — 1903. — № 6537. — 16 октября.
 19. Фортунатов С. Ф. [Рец. на кн.:] Кареев Н. И. Государство-город античного мира //Русские ведомости. — 1903. — № 122.
 20. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. — СПб., 1883.
 21. Аландский П. И. История Греции. — К., 1885.
 22. Лекции по всемирной истории проф. М. Н. Петрова. Т. 1. История древнего мира. — Х., 1888.
 23. Кареев Н. И. Всеобщая история в университете//Историческое обозрение. — 1891. — Т. 3.
 24. Кареев Н. И. Несколько слов об учебнике древней истории//Русская школа. — 1901. — № 4.
 25. Кареев Н. И. О школьном преподавании истории. Из лекций по общей теории истории. — Пг., 1917. — Ч. III.
 26. Антощенко А. В. «Классицизм» или «реализм»: обращение к европейскому опыту и среднее образование в России (комиссия 1900 г.)//Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — Вып. 6. — М., 2001.
 27. Филимонов В. А. Н. И. Кареев о месте античности в школьном преподавании истории//МНМА. Сборник научных трудов, посвященных памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. — Казань, 2002.
 28. Суриков И. Е. Очень субъективные заметки//Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М., 2007. — Вып. 20.
 29. Дементьева В. В. Заметки на полях//Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — Вып. 20. — М., 2007. — Вып. 20.
 30. Филимонов В.А. Audiatur et altera pars, или Ответ не в меру строгим критикам //Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М., 2007. — Вып. 20.

31. *Кареев Н. И.* Книга г. Гревса о римском землевладении//Русское богатство. — 1900. — № 11.
32. *Модестов В. И.* [Рец. на кн.:] Кареев Н. И. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим). 2-е изд. СПб., 1886//Новости. — 1886. — № 77, — 19 марта.

Резюме

Філімонов В. А. Універсальний дискурс Н. І. Кареева як досвід репрезентації античної історії

Стаття присвячена аналізу залишився поза увагою дослідників антикознавчої спадщини російського історика Н. І. Кареева (1850–1931), насамперед, його типологічного курсу «Держава-місто античного світу», в якому він постає як філософ історії та соціолог. Виявлено позиція історика в дискусії про місце античності в шкільному курсі історії. В основі греко-римського дискурсу Кареева лежить прагнення до всесвітньо-історичного синтезу. Мобілізуючи талант концептуаліста, він узагальнює, усуває однобічності суджень, зводить висловлене до нього у струнку, логічно не суперечливу, цілісну доктрину.

Ключові слова: античність, історія стародавнього світу, Кареев, стародавня Греція, стародавній Рим, загальна історія, дискурс, типологічний метод, всесвітньо-історичний синтез, держава-місто.

Summary

V. Filimonov. Universal Discourse of N. I. Kareev as the Experience of the Representation of Ancient History

The article analyzes the remained out of researchers' sight heritage of ancient history historiography of a Russian historian Nikolai Kareev (1850–1931), first of all his typological course "State-City of Ancient World", where Kareev appears before the reader as a philosopher of history and a sociologist as well. The author reveals Kareev's position in the discussion about the place of antiquity in the school history courses. The aspiration for a world-historical synthesis is the basis of Kareev's Greco-Roman discourse. Mobilizing the talent of a conceptualist, Kareev summarizes, eliminates the one-sided judgments, and reduces the view expressed before him in a coherent, logically inconsistent, integral doctrine.

Key words: antiquity, history of ancient world, Nikolai Kareev, ancient Greece, ancient Rome, world history, discourse, typological method, world history synthesis, state-city.

